

В. Э. Василевская

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь,
vasilevskaya.v.e@mail.ru*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы теневой экономики, ее генезис и эволюция форм. Внимание концентрируется на феномене коррупции как проявлении теневой экономической деятельности. Приведены примеры первопричин коррупции, видов коррупционной профилактической деятельности, обоснована необходимость формирования антикоррупционной государственной политики. На примере опыта Китая рассматривается мера ответственности за экономические преступления.

Ключевые слова: коррупция, неформальная экономика, антикоррупционная профилактика, теневая экономика

V. Vasilevskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus, vasilevskaya.v.e@mail.ru

ANTI-CORRUPTION STATE POLICY IN THE CONDITIONS OF THE SHADOW ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

The article discusses the theoretical and methodological foundations of the shadow economy, its genesis and evolution of forms. Attention is focused on the phenomenon of corruption as a manifestation of shadow economic activity. Examples of the root causes of corruption, types of corruption prevention activities are given, the need for the formation of an anti-corruption state policy is substantiated. Using the example of China's experience, the measure of responsibility for economic crimes is considered.

Keywords: corruption, informal economy, anti-corruption prevention, shadow economy

Начало нового столетия характеризуется кардинальной трансформацией экономического фундамента, стремительное развитие информационных технологий усилило «теневизацию» экономических процессов. Примером «паразитирующего» давления теневой экономики на национальные интересы государства являются осложнение инвестиционного климата, дефицит государственного бюджета, застой макроэкономической политики, деформация рыночного механизма. Более того, в современных условиях открытого глобального пространства, теневая экономика является разрушительной силой не только отдельного государства, но и мирового сообщества в целом. В связи с чем исследования феномена «теневой экономики» являются чрезвычайно важными не только с точки зрения научного осмысления, но и практического внедрения.

Обращаясь к генезису научной теоретизации данного феномена, стоит отметить, что формы его проявления наблюдались еще при капиталистическом строе XIX в. Однако, сам термин «теневая экономика» вошел в научный оборот лишь во второй половине XX в. Весомый вклад в развитие исследований «неформальной» экономической деятельности внес британский экономист-антрополог К. Харт, исследуя специфику занятости населения Африканского ареала, он зафиксирован «неестественный» по отношению к западной интерпретации, экономический феномен, проявляющийся в маргинальной занятости населения. Когда весомая часть трудоспособ-

ного населения незаконно осуществляла трудовую деятельность, в статусе безработных граждан, на постоянной основе. Результаты научного анализа Харта были представлены на миссии Международной организации труда (МОТ) в Кении (1972 г.), тогда был издан итоговый отчет на тему специфики занятости и доходах населения, в котором впервые было употреблено понятие «неформальной» экономики. «Неформальность» экономической деятельности определялась как отсутствие официального (формального) подтверждения использования работодателем рабочей силы на условиях «скрытого» вознаграждения. Позднее, в ходе эволюции представлений о неформальном аспекте экономики, негативные последствия данного процесса обосновывались в рамках неполной занятости. То есть предполагалось, что неформальный характер трудовых отношений оправдывается несостоятельностью самих работников, не сумевших «подстроиться» под современную экономику. Харт был категорически не согласен с образовавшимися альтернативными позициями, полагая что, люди вынуждены самостоятельно разрешать проблему хозяйственной власти, ввиду отсутствия ее централизованного регулирования [6, с. 36].

В 1980-е гг. перуанский экономист Э. де Сото переосмыслил теорию Харта в пользу несостоятельности, в первую очередь, рыночных сил. В книге «Иной путь» (1989 г.), де Сото обращает внимание на источник продуцирования «неформальности» в экономике, а именно догматичный характер меркантилистских государств, в которых превалирует власть элиты. Таким образом, согласно определению де Сото, неформальная экономика – это продукт рыночного механизма, ограниченного государственным регулированием, по причине которого, субъекты предпринимательской деятельности вынуждены функционировать незаконно, минуя государственные правила. Отсюда следует, что с одной стороны, незаконная экономическая деятельность обеспечивает повышение конкурентных преимуществ субъектов хозяйствования и дохода самих работников, а также снижает уровень безработицы. С другой стороны, пренебрежение законодательным базисом наносит огромный ущерб экономической безопасности, что сулит утратой государственного суверенитета. Теневая экономика, как проявление скрытой от государственного контроля и статистики деятельности, рассматривается с нескольких аспектов: *юридического* (деятельность, нарушающая законы); *статистического* (умышленное уклонение от государственного наблюдения); *фискального* (нарушение налогового законодательства) [3, с. 9].

Одним из видов аномалий теневой экономики является коррупция как своего рода финансовый фундамент дестабилизации экономического развития. Коррупция (от лат. «corruptio» – подкупать) как явление зародилась на этапе становления государства, то есть является естественным результатом любых попыток упорядочения общественного хаоса. Сам термин впервые упоминается в Древнем Риме, и определяется как действия, несоответствующие законодательным нормам, применяемые с целью разрешения судебных противоречий. Цена за подобные действия, в древнем мире была достаточно высока, к примеру, из наследия древнегреческого историка Геродота, современникам известна история наказания персидского судьи Сизамна. За пренебрежения полномочиями, персидский правитель Камбиз, приказал казнить судью, а в целях предотвращения мздоимства, судейское кресло покрыли кожей, снятой с казнокрада [1, с. 6].

История эволюции коррупционного разрушения общественного развития не раз пыталась выявить источник его продуцирования, во власти, деньгах, неравных общественных благах и т. д. Китайский политик-реформатор Ван Аньши, определил первоначал коррупции в плохих законах и людях, а борьбу с ней призывал воплощать в суровых наказаниях (легистского характера) за малые проступки в законах. И если воздействие на первый источник может привести к положительному эффекту, то воздействия на несовершенство человеческой природы обречены на провал. В ходе научных исследований первопричины коррупции, были сгруппированы по историческим, политическим, экономическим, психологическим и правовым. К первой группе относят причины, порождаемые историей, когда устойчивые практики взаимовыгодного достижения интересов, не противоречат общественному мнению. Политические причины корруп-

ции выражаются в степени открытости государственного аппарата, независимости международной судебной системы, вмешательства государства в социально-экономические процессы, а также специфике политического режима. Неустойчивость экономического развития, монополизация экономических благ, отягощающая налоговая система, неразвитость рынка труда являются экономическими причинами коррупционного начала. Психологический аспект также разжигает коррупционный очаг, например, посредством неравномерного распределения коррупционного давления на лиц, облеченных властью, которые стремятся усилить свои возможности. Законодательные «дыры» являются причиной правового несовершенства и как следствие обогащают коррупционный фундамент дополнительными ресурсами.

Сегодня все многообразие представленных интерпретаций феномена коррупции можно синтезировать в следующее определение: коррупция есть преступление власти, обусловленное личной, противоречащей общественному благу, выгодой. Важно также отметить, что отождествление коррупции с взяточничеством (казнокрадством) весьма ограничено, поскольку в современных реалиях данный феномен определяется гораздо обширнее, выходит за рамки сугубо экономического аспекта, и является следствием общих политических, социальных, культурных, этических проблем государства.

История человеческого развития является безусловным подтверждением деградирующей функции коррупции, если в краткосрочной перспективе она способна производить временный положительный социально-экономический эффект, то в долгосрочной перспективе она способствует развитию правового нигилизма и нравственного регресса общества. Отсутствие антикоррупционной стратегии и толерантность к проявлению коррупционных действий, являются главной первопричиной образования общественного хаоса. В связи с чем, необходимо постоянное укрепление системы мер, предупреждающей коррупцию. Под мерами, предупреждения коррупции понимают государственную и общественную практику, пресечения коррупционных правонарушений, включающую соответствующие средства профилактики. Например, выделяют следующие средства профилактики:

- 1) *социальные*, предусматривающие формирование общественной резистентности к коррупции;
- 2) *криминологические*, направлены на выявление и унификацию коррупционных мотиваций должностных лиц;
- 3) *правоприменительные*, устанавливают ответственность за правонарушения коррупционного характера, на условиях ее неотвратимости;
- 4) *виктимологические*, напротив, устанавливают защиту лиц, пострадавших от коррупционного давления;
- 5) *социально-реабилитационные*, применяются к лицам, повлекшим наказание за коррупционное преступление [4, с. 16].

Ввиду скрытого (теневого) характера проявления коррупции, ее масштабы довольно размыты. Скрытие от государственного статистического учета, в том числе, посредством отсутствия материального вознаграждения, существенно усложняют процесс измерения предметов коррупционного вида деятельности. Для реализации международных сравнительных исследований зачастую используются социологические опросы, экспертные оценки, фиксированные индексы. Например, существует разработанный неправительственной международной организацией Transparency International индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index). Механизм функционирования данного индекса заключается в сборе и анализе международных научных социологических исследований в трехлетний период. Обобщая полученный материал, специалисты оценивают его по степени развитости коррупции от 0 до 10 (где 10 – наивысшая степень «прозрачности» экономики, т. е. нулевое отсутствие коррупции). Исследования проводятся с 1995 г., тогда индекс был рассчитан для 41 страны, по данным за 2021 г., 88 стран стали пред-

метом анализа. Так, по данным на 2021 г., в тройку лидеров по признаку «прозрачности» экономики вошли Новая Зеландия, Дания и Финляндия, закрыли рейтинг Сирия, Южный Судан и Сомали. Стоит отметить, что фиксируется постоянная динамика показателей сравнительного анализа. К примеру, в проекции пяти лет, лидирующие позиции стран существенно не трансформируются, а вот страны, в которых наиболее стремительно «разжигается» коррупционный очаг, сменяют позиции (в 2015 г. в тройку стран, закрывающих рейтинг, вошли Афганистан, Северная Корея и Сомали) [2].

В Китае уровень коррупции существенно повысился после смерти Мао Цзэдуна, как следствие были приняты серьезные меры по усилению ответственности за преступления. Например, после реформ 2011 г., на законодательном уровне закрепились смертная казнь, как мера наказания за преступления связанные с коррупцией. Согласно статистике за последние 30 лет, около миллиона государственных служащих были привлечены к ответственности. За последние 20 лет, 120 тыс. чиновников были приговорены к 20 лет заключения, а 10 тыс. чиновников – к смерти. При этом ежегодно в Китае возбуждается более 40 тыс. уголовных дел, в отношении коррупционеров [5, с. 82]. В докладе, представленном на XX Всекитайском съезде КПК, Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо устрождать внутрипартийное управление в вопросах коррупции. Сам феномен коррупции Си Цзиньпин определил как злокачественную опухоль, поражающую дееспособность партии. Несмотря на критику Запада в отношении строгости наказаний за коррупцию в Китае, Си Цзиньпин призвал продолжать расследовать коррупционные дела со всей строгостью и решительно наводить порядок в политической и экономической экосистеме государства.

Таким образом, безусловно, коррупция как форма проявления теневой экономики, является естественным результатом экономической деятельности, и присуща любому государственному режиму. Однако формирование государственной антикоррупционной политики является необходимым условием стабилизации общественного хаоса, проявление толерантности к коррупционным преступлениям, развитие правового нигилизма, являются разрушающей силой национального суверенитета. Более того, в условиях стремительного глобализационного переворота, антикоррупционная политика выходит за границы отдельных государств, и становится барьером мирового масштаба.

Список использованных источников

1. *Гацко, М. Ф.* Антикоррупционная политика государства : учеб. пособие / М. Ф. Гацко. – Ногинск : Ногинский филиал РАНХиГС, 2015. – 118 с.
2. Индекс потребительских цен Transparency International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index>. – Дата доступа: 24.03.2023.
3. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов / А. П. Киреенко [и др.]. – Иркутск : ИрГУПС, 2017. – 202 с.
4. Противодействие коррупции : пособие для реализации содержания образовательных программ высшего образования I ступени и переподготовки руководящих работников и специалистов / авт.-сост. А. В. Лешков. – Гомель : БТЭУПК, 2018. – 96 с.
5. *Малхасян, А. Л.* Борьба с коррупцией в Китае / А. Л. Малхасян, Н. В. Михалёва // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 1. – С. 81–82.
6. *Потрес, А.* Неформальная экономика и ее парадоксы / А. Потрес // Экономич. социология. – 2003. – № 5. – С. 34–53.